

ПРИРОДА НАУЧНОЙ МЫСЛИ.

1. Постановка вопроса. Тоносъ науки.

Въ наше время царить необычайный хаосъ въ отношеніи философіи къ наукѣ. Съ одной стороны, мы имѣемъ цѣлый рядъ попытокъ „оріентировать философію на наукѣ“, создать единое строго-научное мировоззрѣніе, въ которомъ философія превращается въ безправную и безличную *служанку науки*. Съ другой стороны, та самая наука, закрѣпостить которой хотятъ философію, вступая въ періодъ зрѣлаго самосознанія, переживаетъ глубокій внутренній кризисъ и устами крупныхъ и замѣчательныхъ своихъ представителей заявляетъ о цѣломъ рядѣ глубокихъ сомнѣній въ своей объективной цѣнности и въ своихъ теоретическихъ правахъ. Въ то время, какъ различные эпигоны кантіанства, въ своихъ послѣдовательныхъ превращеніяхъ отрѣшившіеся отъ всякаго контакта съ живою дѣйствительностью, хотятъ въ наукѣ найти послѣднюю опору и прочно утвердить на ней свое призрачное существованіе, сама наука колеблется въ своихъ основаніяхъ и ищетъ опоры въ философіи, заставляя своихъ представителей создавать на скорую руку рядъ *философемъ*, которыя въ своей поспѣшности и недостаточности еще болѣе раскрываютъ слабыя стороны науки и вмѣсто исцѣленія несутъ усугубленіе болѣзни. Недавній „научный“ экстазъ позитивизма кажется какимъ-то мимическимъ разсказомъ изъ далекаго дѣтства, и напоминаетъ сказку о золотой рыбкѣ, въ которой притязательность жадной бабы, дойдя до высшихъ ступеней, внезапно обрывается, когда зазнававшаяся рыбка хочетъ заставить себѣ служить природную царевну и въ наказаніе возвращается къ разбитому

корыту. Философская критика науки,—должна вступить въ свои права и философія,—послѣ долгаго періода оборонительной и чрезвычайно слабой защиты отъ захватовъ науки должна перейти въ наступленіе, указать наукамъ ихъ истинное и чрезвычайно скромное мѣсто въ *globus intellectualis* человѣчества—заклѣчить ихъ въ строгія границы.

Для того, чтобы создать правильную перспективу для послѣдующаго анализа, намъ нужно начать съ фундаментальнаго различенія между „какъ“ науки и между ея „что“, между ея тоносомъ и ея теоретическимъ содержаніемъ, между духомъ научности и тезисами науки. Если мы возьмемъ какую-нибудь конкретную проблему науки—напримѣръ теорію свѣта, мы увидимъ, что она имѣетъ свою исторію, въ продолженіе которой на сцену выступали мнѣнія, исключаящія другъ друга. Пусть съ точки зрѣнія той ступени, которой достигла научная мысль въ данную минуту—нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній представляются совершенно *ложными*, т. е. окончательно оставленными. Тѣмъ не менѣе, творцы этихъ превзойденныхъ мнѣній относятся къ исторіи науки ¹⁾, и ихъ мнѣнія, хотя бы отрицательными условіями, не входятъ въ составъ тѣхъ научныхъ теорій, которыя одолевая сегодня, могутъ быть превзойдены завтра болѣе широкой и всеобъемлющей точкой зрѣнія. Наука находится въ непрерывномъ движеніи и всякія ея „что“ непрерывно трансформируются. Если бы научность исчерпывалась однимъ „что“, одними теоретическими содержаніями, тогда сегодняшній день науки поѣдалъ бы вчерашній, и все что было „научнымъ“ вчера, становилось бы „ненаучнымъ“ сегодня. Оствальдъ совершенно правильно говоритъ, что „по своей природѣ человѣческая наука остается всегда *незаконченной*“ ²⁾. Эта *вѣчная незаконченность* каждой науки, ея дурная безконечность не уничтожаетъ ея единства, и по-

¹⁾ *R. Caverni* въ своей монументальной *Storia del metodo sperimentale in Italia* (5 v. v.) правильно замѣчаетъ о научныхъ противоякіяхъ Галилея: „Сколькими благодареніями обязана наука противорѣчіямъ перипатетиковъ! Несомнѣнно это они заставили Галилея написать больше чѣмъ половину своихъ книгъ и книгъ наиболѣе замѣчательныхъ“ (v. I p. 149. Firenze 1891).

²⁾ *Esquisse d'une philosophie des sciences*. Paris 1911, 5.

зволюетъ относиться серьезно сегодня къ теоріямъ, которыя будутъ объявлены ложными завтра только потому, что наука держится не только своими „что“—но и своимъ „какъ“, своимъ духомъ, своимъ тоносомъ. Многіе хотѣли бы видѣть причину единства и непрерывности науки въ ея *методахъ*, но, во-первыхъ, и методы трансформируются, совершенствуются—уточняются, а во-вторыхъ всякій методъ логически зависитъ отъ *принципа*, какъ указывалъ еще Джоберти, и не принципы устанавливаются методомъ, а обратно ¹⁾. Разныя науки пользуются разными методами, и это различіе методовъ зависитъ отъ различія принциповъ. Было бы смѣшно методомъ дифференціального исчисленія разрѣшать какой-нибудь палеографическій вопросъ. Но принципы науки не могутъ быть устанавливаемы средствами самой же науки, ибо для этого устанавливанія они должны быть уже въ наличности. Принципы суть продуктъ нѣкотораго основного до-научнаго усмотрѣнія, продуктъ нѣкоторой первичной манифестаціи духа, той самой манифестаціи, которая потомъ живетъ въ тоносѣ каждой науки и съ каждымъ новымъ научнымъ достиженіемъ не творится изъ ничего, а лишь проясняется, дискурсивно выявляется, кристаллизуется. Каждая наука имѣетъ и свой специфическій тоносъ, свой видъ научности, который, объединяя ее въ себѣ, не дѣлаетъ ее единой со всѣми другими науками ²⁾. Множественности наукъ ³⁾ соотвѣтствуетъ множественность видовъ научности и духъ и паѳосъ филолога, расшифровывающаго клинопись или интерполирующаго древняго автора, почти ничего общаго не имѣетъ съ духомъ и паѳосомъ физика, устанавливающая электромагнитную теорію свѣта.

Поэтому нельзя говорить объ единомъ тоносѣ науки, объ единомъ научномъ духѣ. И въ самомъ тоносѣ приходится дѣлать различенія и характеризовать особо тоносъ каждой отдѣльной науки. Было бы чрезвычайно интересно историческимъ анализомъ охарактеризовать духъ каждой науки,

¹⁾ Introduzione allo studio della filosofia, ed 2-a, Brusselle 1844. t. I p. 267.

²⁾ Попытки объединить науки классификаціей оказались неудачными. См. превосходную критику Контовской классификаціи наукъ у В. Соловьева въ „Критикѣ отелеченныхъ началъ“. Собр. Соч. т. II.

³⁾ О множественности научнаго знанія см. С. Булгаковъ, *Философія хозяйства*, М. 1912.

который съ особой силою проявляется въ ея начальные моменты. Такъ напр. тонось математики съ необычайной силою запечатлѣлся въ *пифагорейзмъ*. Идея числа, какъ принципъ гармоніи и порядка, здѣсь становится основой не только глубочайшей метафизики, но и замѣчательной попытки морально-мистической организаціи жизни ¹⁾. Этотъ „тонъ“ сохраняется за математикой на все послѣдующее время. На дверяхъ древней академіи Платона не даромъ было написано: не знающій геометріи да не входитъ сюда. Ни одна другая наука не дала столько подлинно религіозныхъ гениевъ, сколько математика (въ новое время: Карданы, Галилей, Паскаль, Ньютонъ, Лейбницъ, Гоене Вронскій, Канторъ и др.). Даже такой скептикъ, какъ Пуанкаре, „внутреннюю гармонію міра“ называетъ *единственной истинной объективной реальностью* ²⁾.—Если мы возьмемъ химію, ведущую свое происхожденіе отъ алхиміи, то мы увидимъ, что тонось ея совершенно другой. Въ алхиміи, искавшей „философскаго камня“, запечатлѣвается жадное желаніе земного могущества и богатства. Этотъ „тонъ“, роднящій алхимію съ магіей, постоянно продолжаетъ жить не только въ химіи, но и во всѣхъ естественныхъ наукахъ. У наукъ есть *свое внѣ-научное продолженіе*, и если въ своемъ начальномъ періодѣ многія науки откровенно связаны съ магіей, если въ замыслѣ полу-великаго инставратора наукъ Бекона, замыслѣ *покорить природу человѣку* и, вывѣдавъ отъ нея секреты, заставить ее *служить ему* ³⁾, еще отчетливо различимы „магическія“ мечты, — то и въ дальнѣйшемъ развитіи цѣлой группы естественныхъ наукъ эта магическая основа продолжаетъ потаенно жить, трансформировавшись и принявъ новый, болѣе „современный“ ликъ—богатѣйшихъ все растущихъ техническихъ приложений и грандіозной промышленной индустріи. Точно также и астрономія, ведущая свое происхожденіе отъ астрологіи, имѣетъ свой особый тонось.

¹⁾ О пифагорейзмѣ мы имѣемъ два замѣчательныхъ изслѣдованія: кн. С. Трубецкого въ „*Метафизикѣ древней Греціи*“ и О. Новицкаго въ его замѣчательномъ четырехтомномъ трудѣ „*Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій*“. Кіевъ 1860.

²⁾ „*Цѣльность науки*“. М. 1906, стр. 7—8.

³⁾ *Novum organ. lib. II § 31, § 8.*

Онъ характеризуется стремленіемъ насильственно похитить знаніе изъ сферъ недоступныхъ внѣшнему, перстному человѣку. И замѣчательно, что еще Сократъ съ рѣзкой проницательностью духа предостерегалъ противъ этого тонаса. Опять таки этотъ скрытый духъ астрономіи съ классической силой сказался въ моментъ истиннаго рожденія этой науки, т. е. въ эпоху Коперника, и создалъ грандіозное столкнове- ніе, на которомъ мы впослѣдствіи еще будемъ имѣть слу- чай остановиться.

Но если каждая основная наука имѣетъ свой специфическій тоносъ, который съ ростомъ науки не исчезаетъ, а лишь утончается и, проходя рядъ трансформаций, сохраняетъ неизмѣнную свою сущность, то ёсть, въ тоносахъ наукъ и нѣчто общее и единое, но это единое есть та *формально-логическая энергія мысли*, которой живутъ не только различ- ные виды *научной мысли*, но и *всякая мысль* человѣка, и метафизическая и религіозная и моральная. Такимъ обра- зомъ, это не есть единый тоносъ специфически-научной мысли, а единый формальный тоносъ мысли вообще. Но это единство, будучи болѣе обширнымъ, тѣмъ не менѣе въ нау- кахъ имѣетъ свое частное приложёніе и, если нельзя гово- рить о *единомъ научномъ духѣ*, то можно говорить о *единствѣ тоносовъ* различныхъ наукъ съ формально-логической сто- роны. Итакъ, въ тоносъ каждой науки мы должны различить „общее“ и „частное“, универсальное и специфическое. Въ конкретныхъ представителяхъ науки своеобразнымъ обра- зомъ переплетается „общее“ и „частное“, и въ зависимости отъ того, какой моментъ подчеркивается съ большой силой, и что выдвигается на первый планъ—„частное“ тоноса или „общее“ тоноса—получается „стиль“ данной научной инди- видуальности, иногда безконечно высокой, какъ въ Ньютонѣ или Галилеѣ, иногда же низменный и тривіальный, какъ въ Ванини или Геккелѣ. Отъ специфическаго характера то- носа зависитъ и специфическій видъ *интуиціи*, лежащей въ основѣ всякаго творческаго становленія на науки. Даръ исторической интуиціи у Нибура или даръ необычайной ар- хеологической интуиціи у Д. Росси специфически отли- чается отъ интуиціи математической, которая въ свою оче- редь подраздѣляется, по авторитетному свидѣтельству Пуан- каре, на два вида: интуицію чувственную, напр. Бертранъ,

и интуицію чистаго числа или чистыхъ логическихъ формъ — напр. Эрмитъ ¹⁾.

Различіемъ тонаса науки отъ ея *теоретическаго содержанія* устанавливается возможность совершенно различнаго отношенія къ тому и другому. Можно признавать чрезвычайно малую степень чисто теоретической, т. е. объективно познавательной цѣнности за той группой наукъ, которыя обыкновенно зовутся естественными, и въ то же время приписывать огромную цѣнность тонусу этихъ наукъ, въ однихъ случаяхъ—его формально-логической сторонѣ, въ другихъ его специфическому виду. Тоническая сторона науки, которая въ продолженіе вѣковъ порождала необычайно высокія духовныя явленія въ исторіи человѣческой мысли, которая создала типъ *мученика, исповѣдника и подвижника научной идеи*—есть вѣчное свидѣтельство благородства и подлинной божественности человѣческаго духа, и въ этомъ отношеніи наука священна и, можно сказать, являетъ въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ совершенно своеобразный видъ нравственной чистоты и духовнаго величія, которыя можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ особымъ типомъ *святости* ²⁾. Научный тонусъ въ его универсальномъ аспектѣ, несмотря на всю матеріальную обусловленность и искусственную оторванность принциповъ и предпосылокъ тѣхъ или иныхъ наукъ, находитъ въ нихъ изумительно чистое и кристаллически ясное воплощеніе. Любая наука со стороны своей *формы*, если отвлечься отъ объективнаго содержанія ея утверждений, есть необычайная послѣдовательность логической мысли, иногда достигающая почти законченнаго изящества. Въ своемъ формально-логическомъ тонусѣ—наука представляетъ обширнѣйшій и благородный *стадій*, въ которомъ приобрѣтаются навыки дифференцированной и острой мысли, въ которомъ закаляется логическая мощь, и организмъ разума, развиваясь и совершенствуясь, можетъ получать необходимое

¹⁾ Ор. с. стр. 10—26.

²⁾ Укажу напр. Галилея: Сврымнымъ величіемъ и рѣдкой душевной высотой полны его сочиненія и образъ его только высвѣтляется во время процесса, который во многихъ отношеніяхъ подобенъ процессу противъ Сократа. О процессѣ Галилея см. книги *Д. Берти: Il processo originale di G. Galilei, pubblicata per la prima volta. Roma, 1876; и: Copernico e le vicende del sistema copernicano in Italia. Roma 1876.*

воспитаніе. Если приобретаемой силой начинают злоупотреблять и логическую мускулатуру наловчившейся мысли заставляют служить низменному гладиаторству и интеллектуалистическому насилию надъ „малыми сими“—то это уже вина не науки, какъ таковой, а идолопоклонничества передъ наукой, наивнаго пріятія теоретическихъ утвержденій науки, за сущую истину—т. е. вина тѣхъ философемъ и тѣхъ „міровоззрѣній“, которыя превращаютъ науку въ оружіе своего самоутвержденія, ничего общаго съ наукой не имѣющаго. Священный тоносъ науки остается совершенно незапятнаннымъ отъ того, что отдѣльныя положенія науки пускаются во внѣнаучное употребленіе большей частью не самими представителями науки и во всякомъ случаѣ не избранными гениями.

Тоносъ науки—одно, тезисы науки—другое. Сдѣлавъ это различіе и оговоривъ свое отношеніе къ тоносу науки, мы можемъ перейти къ теоретико-познавательному анализу объективно-теоретическаго содержанія науки.

2. Науки и научное міровоззрѣніе.

Но что такое объективно-теоретическое содержаніе науки? Въ пониманіи его существуетъ такая логическая путаница, такое элементарное смѣшеніе понятій, что необходимо сдѣлать новое и самое рѣшительное различіе. Люди занимающіеся стряпнею научныхъ міровоззрѣній смѣшиваютъ двѣ вещи радикально отличныя одна отъ другой: *тезисы отдѣльныхъ наукъ, какъ таковыя*, имѣющіе научное значеніе лишь въ *совокупности данной науки*, и эти же самые тезисы, пущенные во внѣнаучный оборотъ, вырванные изъ совокупности данной науки, которой только и держится ихъ научность, и произвольно перенесенные на такую почву, гдѣ этимъ тезисамъ *научнаго мѣста нѣтъ*. Эти двѣ вещи, странно сливающимся въ философскомъ сознаніи новаго времени,—можно рѣзче различить такъ: *одно дѣло тезисы науки, какъ моментъ въ замкнутой жизни данной дисциплины,—и абсолютно другое дѣло тѣ же самые тезисы, какъ моментъ міровоззрѣнія, необходимо имѣющаго универсальный и всеобъемлющій характеръ*. Между тезисами науки въ первомъ смыслѣ и тезисами науки

во второмъ смыслѣ лежитъ логическая пропасть, не замѣчать которой можетъ только философски незрѣлая мысль ¹⁾).

Если мы строго-научныя положенія химіи или физики захотимъ превратить въ моментъ мировоззрѣнія, мы неизбежно должны придать имъ мета-физическое и мета-химическое значеніе. Но это превращеніе можетъ быть куплено цѣной абсолютнаго уничтоженія специфической научности данныхъ положеній. А т. к. другой научности, кромѣ специфической у этихъ наложений нѣтъ и быть не можетъ, то превращенные въ моментъ мировоззрѣнія—эти тезисы—ни въ какомъ смыслѣ не научны. Въ нихъ сохраняется только терминологическая оболочка науки, и, конечно, лишь младенцы по уму, которыми запрещаетъ быть апостоль Павелъ, могутъ серьезно увлекаться этимъ терминологическимъ маскарадомъ. Изъ тезиса науки они превращаются въ самую обыкновенную схему, которой иногда придается символическое значеніе и въ качествѣ символа они могутъ стать замѣчательнымъ орудіемъ не научной, а философской мысли,—какъ это было въ до-сократовской философіи, въ которой мета-математическое оперированіе съ математическими символами характеризуетъ пифагореизмъ, а мета-физическое и мета-біологическое оперированіе съ физическими и біологическими символами характеризуетъ всѣ другія направленія мысли. Но древне-греческая метафизика полна очарованія-прозрѣній, потому что тонось мышленія еще полонъ древнѣйшей миеологической глубины, чего не можетъ быть въ другія эпохи болѣе дифференцированной мысли. И когда Парацельсъ типически строить цѣлое мировоззрѣніе, пользуясь нѣсколькими химическими символами—то эта фантастическая метакимія, не имѣя никакого научнаго значенія, имѣетъ и чрезвычайно ничтожную цѣнность философскую, которая тѣмъ не менѣе есть, п. ч. въ системѣ Парацельза химическимъ терминами придается символическое, а не только схематическое значеніе. Въ эпоху же зрѣлой „научности“—всякій символизмъ долженъ быть окончательно убитъ схематизмомъ и то, что

¹⁾ Въ замѣчательной статьѣ В. Вернадскаго, въ которой вносится много существенныхъ историко-критическихъ ограниченій въ идею научнаго мировоззрѣнія, это различеніе отсутствуетъ. См. Сборникъ по философіи естествознанія. М. 1906, стр. 104—157.

можно назвать парацельзианствомъ мысли, т. е. произвольное превращеніе момента науки въ моментъ міровоззрѣнія,— должно получить характеръ строгой и абстрактно-безжизненной схематичности. Quasi-научное парацельзианство въ эпохи развитой научности вмѣсто живой миѳологической физики и математики древнихъ, вмѣсто мистической химіи Парацельза или Беме—создаетъ системы мертвыхъ меоническихъ схемъ, лишенныхъ всякаго философскаго смысла и мѣтко названныхъ Якоби „логическими фантазмами“.

Фантазіи рождаются неизбежно, потому что отъ наукъ къ міровоззрѣнію нѣтъ и не можетъ быть *научнаго* перехода. Любая наука имѣетъ предметомъ группу явленій определеннаго частнаго характера. Міровоззрѣніе же имѣетъ предметомъ не только *всю* совокупность явленій, но и *міръ въ его цѣломъ*, т. е. въ его физической и метафизической совокупности. Каждая наука имѣетъ *одно, свое* научное измѣреніе, математика — математическое, физика—физическое, филологія—филологическое;—міръ же имѣетъ *энное* количество измѣреній, причѣмъ для каждой науки, какъ таковой, это *n* должно быть признано абсолютнымъ. Согласно терминологіи Дж. Бруно, каждая наука, будучи безконечной въ себѣ, обладаетъ *конечною безконечностью*, міръ же въ цѣломъ есть *безконечная безконечность*. Научный переходъ отъ одного къ другому—невозможенъ. Слово „научный“ нужно употреблять въ строгомъ смыслѣ. Для математика—*научнымъ* переходомъ къ міровоззрѣнію можетъ быть переходъ лишь математическій, для физики—физическій и т. д. Когда великій математикъ Пуанкаре заговариваетъ о „внутренней гармоніи міра“—то всѣ готовы считать это утвержденіе „научнымъ“, т. е. математическимъ. Но всѣ три понятія въ данномъ случаѣ *абсолютно нематематичны*: и міръ, какъ цѣлое, и понятіе „внутренняго“ и понятіе „гармоніи“. Когда еще болѣе великій математикъ Ньютонъ пишетъ толкованіе на Апокалипсисъ, то всѣ склонны считать это чуть ли не поэмъшательствомъ—а между тѣмъ нематематичность Апокалипсиса нисколько не превышаетъ нематематичность „внутренней гармоніи міра“. Ибо Апокалипсисъ говоритъ объ альфѣ и омегѣ міра, т. е. о мірѣ въ его цѣломъ, путемъ вселенскихъ катастрофъ достигающемъ „внутренней гармоніи“. Разницы *научной* между „гармоніей“ Пуанкаре и „Апо-

каллиписомъ“ Ньютона никакой нѣтъ. И оба они могутъ быть безконечно правы въ своихъ утверженіяхъ, какъ философы или мистики,—но математики въ ихъ утверженіяхъ нѣтъ и слѣда. Впрочемъ, Ньютонъ и не писалъ объ Апокалипсисѣ, какъ математикъ.

Склонность къ парацельзіанству, будучи алогичной въ своемъ принципѣ, держится лишь привычкой, т. е. создается психологизмомъ. И этотъ психологизмъ есть корень всякихъ попытокъ ненаучнаго продолженія науки въ міровоззрѣніе. Если двѣ или три сосѣднихъ науки имѣютъ однородные тезисы,—умъ человѣческій не можетъ воздержаться отъ удовольствія сострять изъ нихъ гипотезу или теорію *вселенскаго* содержанія и приложить ее ко всему *міру*, т. е., сдѣлать принципомъ міровоззрѣнія. Намъ не должно при этомъ пугать, что подобной стряпней занимаются очень великіе люди. Мы можемъ сказать, что, во-первыхъ, истина выше людскаго величія и, что, во-вторыхъ, величіе этихъ людей свидѣлствуется другими, дѣйствительно великими, дѣяніями разума, а не этими скороспѣлыми, лженаучными обобщеніями. Канто - Лапласовская теорія происхожденія міра представляетъ хорошій примѣръ яркаго парацельзіанства. Здѣсь данныя трехъ наукъ, вырванные изъ ихъ специфической почвы, получаютъ недолжно-широкое и исключительное значеніе. Данными физики, астрономіи и механики дѣлается попытка „научно“ объяснить происхожденіе всего нашего міра, т. е. со всѣми его чудесами, съ христіанствомъ, съ Данте, съ готическими соборами, и съ самимъ авторомъ „Критики чистаго разума“ и „Новой теоріи неба“. Намъ кажется излишнимъ вносить коррективъ Фая ¹⁾ въ это совершенно призрачное предпріятіе. Оно должно быть признано въ корнѣ ложнымъ и фантастическимъ не потому, что съ точки зрѣнія самой астрономіи, оно недостаточно, какъ утверждаетъ Фай, а потому, что въ самой *постановкѣ* такого вопроса, каковы бы ни были детали его выполненія, лежитъ огромный *логическій скачекъ*. Если понятіе нашего міра берется въ строгомъ значеніи, тогда нашъ міръ характеризуется эннымъ количествомъ измѣреній, которые въ своей совокупности абсолютно закрыты для физики, астрономіи и

¹⁾ Происхожденіе міра.

механики, долженствующихъ въ данной гипотезѣ объяснять происхожденіе міра. Рядомъ съ этими тремя науками существуетъ огромное множество *другихъ наукъ*, съ совершенно иными научными измѣреніями, которыя свидѣлствуютъ объ иныхъ сторонахъ „нашего“ міра,—и замысль *астрономически* объяснить происхожденіе міра есть прежде всего легкомысленный прыжокъ *черезъ все остальные науки*. Если астрономія—наука, то наука и археологія, напр. А археологія говоритъ намъ о микенской культурѣ, или катакомбальномъ періодѣ христіанства, какъ о *признакѣ нашего міра*. Такихъ признаковъ, устанавливаемыхъ множествомъ различныхъ наукъ, особенно историческихъ,—и находящихся абсолютно *вне* сферы научной компетенціи физики или небесной механики,—огромное количество. Если принять во вниманіе, что каждый признакъ нашего міра, устанавливаемый той или иной наукой, обладаетъ *качественной безконечностью* и абсолютной *несообщимостью въ терминахъ науки другой качественности*, то, даже не выходя изъ сферъ различныхъ наукъ и не подвергая вышеприведенную гипотезу критикѣ философской ¹⁾ или религіозной,—мы видимъ всю ея логическую наивность. Канто-Лапласовскій принципъ „въ началѣ была туманность“ обладаетъ не бoльшей степенью *научности*, чѣмъ парадоксальный принципъ Пшебышевскаго „въ началѣ былъ полъ“. И тутъ и тамъ частное и подчиненное явленіе мировой совокупности съ кричащею произвольностью проектируется, какъ начало, принимающее метафизическій характеръ. Кантовская „туманность“ не менѣе мифологична, чѣмъ еалесовская „вода“ и не менѣе мистична, чѣмъ паразельзіанская „сѣра“. Для того, чтобы сдѣлать Канто-Лапласовскую гипотезу научной, нужно было бы доказать *сводимость* абсолютно *всѣхъ наукъ* на механику или астрономію и со-

¹⁾ Коренная философская несообразность Канто-Лапласовской теоріи заключается въ томъ, что слову *происхожденіе* въ строгомъ смыслѣ можетъ быть придаваемо лишь *метафизическое* значеніе. Если міръ происходитъ изъ туманности въ метафизическомъ смыслѣ, то туманность эта метафизична, а не физична, и потому находится за *предѣлами* отдѣльныхъ наукъ. Если же туманность эта только „физична“—то изъ нея не можетъ *произойти* вселенная въ ея физической и метафизической совокупности. Тогда происхожденіе это феноменологично, т. е., не есть *происхожденіе* въ настоящемъ смыслѣ слова.

здать корпускулярную теорію греческой трагедіи или подвергнуть дифференціальному исчисленію достовѣрность царскаго періода въ исторіи Рима. Но тогда бы и палеонтологъ не долженъ былъ удивляться смѣлому предпріятію филолога, который по свойствамъ рукописи какого-нибудь античнаго поэта, хранящейся въ Ватиканской бібліотекѣ, задался бы цѣлью—филологическимъ методомъ установить величину хвоста у допотопнаго ихтиозавра или плезиозавра ¹⁾.

Алогичность здѣсь коренная и абсолютно неустраняемая. Отъ опредѣленной науки, вѣдающей міръ лишь въ *одномъ* измѣреніи, нѣтъ научнаго, т. е. продолжающаго данную науку, перехода къ неопредѣленному множеству *другихъ* измѣреній міра. Подобный переходъ есть всегда *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*. При этомъ у данной науки, какъ таковой, нѣтъ никакихъ специфическихъ основаній отрицать возможность у міра и такихъ измѣреній, которыя бы не подавались никакой „наукѣ“ и имѣли бы характеръ эстетическій, моральный или религиозный. А между тѣмъ каждая наука своему частному углу зрѣнія стремится придать универсальный характеръ и своему частному измѣренію приписать вселенскую значительность. Часто приходится встрѣчать мнѣнія: наука утверждаетъ механическое устройство міра, наука и механическое міропониманіе—синонимы ²⁾. Съ нашей

¹⁾ Въ фантастической философемѣ Лапласа представляется возможность осуществлять взаимную сводимость наукъ и охватить всѣ міровые процессы въ совокупности—*одной математической формулой*. Духъ, представлявшійся Лапласу,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—могъ бы черезъ соответственное обсужденіе своей формулы сказать, *кто былъ Желѣзная Маска или кѣмъ погибъ Президентъ*. „Дю-Буа-Реймонъ правильно замѣчаетъ, что „для установки дифференціальныхъ уравненій міровой формулы, нужно было бы свести всѣ явленія природы на движенія безразличной субстанции или лишешкаго качества субстрата“. Послѣ Гельмгольца и Дю-Буа-Реймона, отвѣдавши глотокъ критической философіи, мечта Лапласа самими естествоиспытателями была оцѣнена какъ переходящая всякія границы *научнаго* знанія. О попыткѣ механистическаго истолкованія Вселенной, которымъ особенно отличился XVIII вѣкъ, Махъ энергично говоритъ: „Послѣ цѣлаго столѣтія, когда мы стали благоразуміе, намъ представляется проектированное міровоззрѣніе энциклопедистовъ какъ *механическая мивологія*“. См. *И. Огневъ*. „Рѣчи Дю-буа-Реймона и его научное міровоззрѣніе“, въ „Сборникѣ по философіи естествознанія“. Москва 1906. стр. 69.

²⁾ Это мнѣніе встрѣчается и у С. Н. Булгакова. Философія хозяйства стр. 194.

точки зрѣнія эти выраженія не имѣютъ никакого *смысла*. Такой науки, которая могла бы съ научной правомѣрностью перейти изъ своей частной области къ *миру*, нѣтъ и *быть не можетъ*. Механическое пониманіе міра есть *абсолютно-вѣрна научная философема*. Если бы даже допустить, что какая-нибудь наука могла бы съ правомѣрностью частную сферу явленій, ей подвластныхъ, разсматривать *sub specie* механизма не только методологически, но и *антологически*, то и въ такомъ случаѣ переходъ отъ этой частной сферы къ міровой совокупности совершенно невозможенъ, ибо другія науки, приписавъ своимъ содержаніямъ онтологическое значеніе,—заявили бы неопредѣленное множество другихъ міропониманій,—которыя принципиально механизмъ отрицаютъ. Тогда бы получился *споръ* между различными науками, изъ которыхъ каждая *перешла свои границы*. Это любопытное зрѣлище мы наблюдаемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто среди ученыхъ, не удерживающихся отъ своей науки умо-заключать къ міру и увлекающихъ за собою толпу, но у подобныхъ споровъ нѣтъ *логической основы*—они ведутся по существу алогически, ибо терминамъ частныхъ наукъ дается чисто-научное примѣненіе, и, безсознательно создавая философемы, ихъ авторы съ наивностью приписываютъ имъ научное значеніе, котораго имѣть онѣ не могутъ. Философемы, создаваемыя учеными, переходящими границы своей науки и продолжающими оперировать въ міровой безконечности методами, которые они съ научнымъ правомъ могутъ примѣнять лишь въ частной сферѣ: ихъ специальности,—есть то, что лучше всего передается древне-греческимъ терминомъ *δόξα*, „мнѣніе“, которое въ противоположность единой и опредѣленной Истинѣ—множественно, неопредѣленно, и можетъ принимать безконечно-различные виды, въ томъ числѣ и *научнообразные*. Механическая философема, понимающая міръ въ его цѣломъ, какъ механизмъ, не можетъ быть создана правомѣрно ни одной изъ частныхъ наукъ и есть всецѣлое порожденіе „научнообразнаго мнѣнія“, къ составу котораго относится и *всякое лженаучное превращеніе момента науки въ моментъ міровозрѣнія*. Итакъ, соотносить одно научное измѣреніе съ другимъ научнымъ измѣреніемъ, а тѣмъ болѣе со всей безмѣрной совокупностью *міровыхъ* измѣреній, среди которыхъ легко могутъ оказаться и *сверх-*

научныя измѣренія, правомѣрно—не въ состояніи ни одна наука, какъ таковая.* Для того, чтобы установить эти соотношенія, нужна совершенно особая дисциплина, стоящая *внѣ* наукъ и *надъ* ними, имѣющая своимъ объектомъ міръ не въ томъ или иномъ частномъ разрѣзѣ, а міръ какъ цѣлое міра, какъ единство, міръ въ его абсолютной совокупности. Другими словами, данныя частныхъ наукъ могутъ получить универсально-міровое значеніе *лишь въ рукахъ философіи*. Любой моментъ науки, для того, чтобы превратиться въ моментъ міровоззрѣнія, долженъ пройти черезъ горнило *философской критики*, и только устоявъ противъ этого испытанія, можетъ быть признанъ годнымъ матеріаломъ для міровоззрѣнія. Въ вопросахъ міровоззрѣнія, науки, какъ таковыя, не имѣютъ никакого голоса, и высшей и единственной инстанціей является философія. Если въ классификаціяхъ *наукъ*, отъ Бекона и Даламбера до Конта и Спенсера, философіи справедливо не отводилось никакого мѣста, то въ *идеальномъ организмѣ* человѣческаго знанія философіи принадлежитъ первое мѣсто, а науки занимаютъ подчиненное и послѣднее мѣсто ¹⁾. Науки въ своемъ эмпирическомъ видѣ представляютъ изъ себя безусловно *частныя* явленія. Онѣ—*фактъ* такой же частный, какъ музыка напр. или живопись. Чтобы выйти изъ этой чистой и частной фактичности и стать идеальнымъ моментомъ универсальнаго міровоззрѣнія, онѣ нуждаются въ философской разработкѣ, т. е. въ *помощи* философіи. Только философія можетъ вывести ихъ изъ замкнутаго существованія и ввести въ кругооборотъ логической мысли, имѣющей вселенское значеніе.

Этимъ самымъ мы подошли къ разбору другого, еще болѣе сквернаго предрасудка. Если ученые, незамѣтно для себя философствуя, переходятъ границы своихъ наукъ и создаютъ скороспѣлыя философемы, называемыя ими и толпой „научнымъ міровоззрѣніемъ“, то новая философія породила

¹⁾ Такъ смотритъ и *Джоберти*, изъ своей „идеальной формулы“ выводящей нормальную энциклопедію знанія: *Introduzione allo studio della filosofia*, t. III p. 11.—*Л. М. Лопатинъ* свою замѣчательную критику позитивизма заключаетъ словами: „*Метафизика во всякомъ случаѣ должна занять положеніе центральное и регулирующее среди другихъ наукъ*“. Положит. задачи философіи. М. 1886. ч. I, стр. 81.

особый типъ мыслителей, которые не довольствуются быть философиями и во что бы-то ни стало хотятъ свою мысль сдѣлать строго „научной“. Эта тенденція характеризуетъ всю новую философію. Начиная съ Джордано Бруно, мечта о „научности“ становится однимъ изъ главныхъ стимуловъ движенія философской мысли, и этотъ стимулъ совершенно вытѣсняетъ старое стремленіе философіи не къ условной научности, а къ безусловной истинѣ. Декартъ и Беконъ— основоположники новой „научной“ философіи. Кантъ этой мечтѣ—сдѣлать философію научной (а отнюдь не исканію истины) отдастъ всѣ силы своего огромнаго дарованія. Фихте, Шеллингъ и Гегель непрерывно говорятъ о „строгой научности“, наконецъ въ наши дни почти всѣ философскія школы Германіи претендуютъ на обладаніе не простой философіей, а строго-научной, и нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ къ этимъ страннымъ соединеніямъ словъ, *risibile dictu*, слово „единая“. (При томъ взаимоотрицаніи, которое царитъ среди различныхъ представителей „научной философіи“, это единство можетъ быть охарактеризовано только какъ *единство мечты*).

Если безсознательныя философскія построенія естествоиспытателей, покоящіяся на смѣшеніи момента науки съ моментомъ міровоззрѣнія, представляетъ изъ себя грубую ошибку,— то обратное смѣшеніе момента міровоззрѣнія съ моментомъ науки, лежащее въ основѣ самаго замысла „научной философіи“, представляетъ изъ себя ошибку много разъ грубѣе и неизвинительнѣе, потому что ошибка эта *философскаго* характера, и людямъ науки, конечно, извинительнѣе ошибаться въ чуждой имъ области,—въ философіи, что совершенно неизвинительно для философовъ, если только не допустить чудовищной мысли, что „научная философія“ освобождаетъ своихъ приверженцевъ отъ нормъ *философскаго мышленія*.

Въ соединеніи словъ „научная философія“ произведено то же самое смѣшеніе понятій, радикально отличныхъ другъ отъ друга, что и въ соединеніи словъ „научное міровоззрѣніе“. Разница—только въ томъ, что тамъ низшее смѣшалось съ высшимъ и частное пыталось заступитъ мѣсто цѣлаго, здѣсь же, обратно, высшее деградируется въ низшее, и цѣлое пытаются превратить въ частное. Въ существѣ ошибка одна

и потому все сказанное о „научномъ міровоззрѣніи“ относится и къ „научной философіи“. Но и разница, особенно въ психологическихъ отбѣнкахъ ошибки,—тоже велика и потому требуетъ дополнительнаго разбора.

Если науки, безъ потери своихъ специфическихъ видовъ научности, не могутъ стать міровоззрѣніемъ, т. е. философіей, то и философія не можетъ быть превращена въ тотъ иной видъ научной мысли безъ потери своихъ специфическихъ свойствъ, т. е. универсальности и вселенности. Когда натурфилософскія концепціи Шеллинга какъ психологическое условіе ¹⁾ порождаютъ въ физикѣ Эрстедтъ открытіе связи между явлениями электричества и магнетизма,—то это открытіе, закрѣпленное рядомъ методическихъ экспериментовъ, отходитъ въ область физики и, пріобрѣтая специфическій видъ научности, именно физичности, тѣмъ самымъ рѣзкою гранью отгораживается отъ всѣхъ другихъ физико-химическихъ и біологическихъ философемъ Шеллинга. Возможно, что въ этихъ философемахъ *потенціально* содержался рядъ другихъ открытій, которыя были бы совершены, еслибъ естествознаніе начала XIX вѣка не отвергло всякую натурфилософію съ такою рѣзкостью. Но и это могло бы свидѣтельствовать лишь о томъ, что Шеллингъ, наспѣхъ создавая философемы подъ впечатлѣніемъ открытій Гальвани, Вольты и Деви и теорій Броуна и Кильмейера ²⁾, обладалъ специфическимъ даромъ научной интуиціи, а отнюдь не о томъ, что натурфилософемы его носили *дѣйствительно* научный характеръ. Еслибъ даже философія Шеллинга породила изъ себя не одно и не нѣсколько, а пѣлыя массы открытій въ различныхъ наукахъ, подобно тому, какъ порождаетъ ихъ та философема, которую Махъ называетъ „механической мифологіей“, то и въ такомъ случаѣ дѣло не измѣнилось бы ни на іоту. Все, что отошло бы изъ натурфилософіи въ естествознаніе, тѣмъ самымъ пріобрѣло *частнонаучный* характеръ и потеряло бы въ этомъ своемъ видѣ характеръ философскій, т. е. универсальный и вселенскій. Всякое же обратное превращеніе содержанія прежней философемы изъ момента науки въ моментъ міровоззрѣнія могло

¹⁾ В. Оствальдъ. Натуръ-философія, пер. Котляра. Москва. Стр. 12.

²⁾ Куно-Фишеръ. Исторія Новой философіи т. 7. СПб. 1905. Стр. 351—365.

бы быть превращено лишь актомъ *сверхнаучной* мысли, т. е. съ уничтоженіемъ специфическаго вида научности.

Философія, которая хотѣла бы быть научной, не переставая быть философией,—это такая же нелѣпость, какъ кругъ, который хотѣлъ бы быть квадратомъ, не переставая быть кругомъ, или треугольникъ, который бы желалъ имѣть четыре угла и восемь сторонъ, оставаясь въ то же самое время треугольникомъ ¹⁾. „Научная философія“ задается цѣлью *sub specie* какою-нибудь *одного* измѣренія постигнуть *всѣ* измѣренія міра, замыкаясь въ тотъ или иной видъ качественности, охватить насильственно всю безмѣрность иныхъ качественностей, конечной безконечностью исчерпать безконечную безконечность. Эту колоссальную атопію проще можно выразить такъ. „Науки вообще“ не существуетъ. „Наука вообще“ есть миеологема, очень ходкая въ новое время и тѣмъ не менѣе лишенная какихъ бы-то ни было признаковъ реальнаго существованія. „Наука вообще“ есть фикція, *ens imaginationis*, мертво-рожденное дѣтище отвлеченнаго гуманизма, котораго оживить не смогъ даже страстный паеосъ позитивизма и надъ которымъ, конечно, безсильны останутся всѣ заклинанія неокантіанства. Единому призраку „науки вообще“ противостоятъ обособленныя и частныя *realia* отдѣльныхъ наукъ. *Наукъ—множество*, причемъ множество это неопредѣленно и незаконченно, ибо чѣмъ дальше, тѣмъ больше появляются новыя дисциплины и новыя развѣтлѣнія. Предъ лицомъ этой множественной реальности философія, которая хотѣла бы стать „научной“, попадаетъ въ самое незавидное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ идея „научной философіи“ была осуществима, то ее можно было осуществлять съ одинаковымъ логическимъ правомъ *ровно въ столькихъ видахъ, сколько существуетъ отдѣльныхъ наукъ*. Тогда мы имѣли бы не одну „научную философію“, какъ это безусловно требуется ея идеей, а неопредѣленное множество, напр. научно-математическую философію, научно-археологическую, научно-термохимическую, научно-лингвистическую, научно-астрофизическую, научно-историкомиеологическую и т. п. ²⁾. Призракъ единой

¹⁾ Ср. „Борьба за Логосъ“, стр. 108—117.

²⁾ Эти словосочетанія вовсе не такъ бессмысленны. Математическую философію мы имѣемъ у Пифагора, астрономическую у Бруно, лингви-

и нераздѣльной научной философіи можетъ чаровать только тѣ умы, которые со школьнымъ упорствомъ продолжаютъ раздѣлять частную и лишенную какой бы-то ни было философской сознательности *отру* Канта и всего вѣка просвѣщенія—въ „Ньютона“, т. е. въ фантастическій *приматъ* физико-математической группы дисциплинъ федеративной республики всѣхъ наукъ. Мы считаемъ, что не только нѣтъ никакихъ основаній въ пользу этого примата,—но, больше того, есть серьезныя основанія *противъ* него и за приматъ *другой* группы наукъ, и это мы постараемся доказать ниже. Теперь же мы только скажемъ, что кантовской и кантіанской вѣрѣ въ „Ньютона“ ¹⁾ (замѣтимъ: „Ньютона“ *безъ* Апокалипсиса) можно противопоставить „вѣру“, напр., въ великаго археолога Бозіо, который въ XVI вѣкѣ дѣлаетъ открытіе и описаніе подземнаго Рима ²⁾, съ критичностью, равной критичности Канта, „ориентировать“ философію на фактъ первоначальнаго христіанства и, вмѣсто системы трансцендентальнаго антропоцентризма, создать систему трансцендентнаго теоцентризма. Обыкновенно этотъ приматъ считается за нѣчто само собою очевидное и безспорное, и, въ лучшемъ случаѣ, выставляютъ одинъ аргументъ: *savoir c'est prévoir*, и астрономія напр., которая располагаетъ самыми точными и далекими предвидѣніями, *конечно*, совершеннѣе и выше, чѣмъ исторія, которая не знаетъ съ точностью, что будетъ сегодня вечеромъ. Это „конечно“ любопытно своей наивной увѣренностью и полной необосновательностью. Споры нѣтъ, удивительно, что астрономія можетъ предсказать за сотни лѣтъ появленіе кометы, но чтобы это было *болѣе* удивительно чѣмъ то, что исторія даетъ намъ возможность узнать, какъ проведетъ Сократъ канунъ своей смерти, Сократъ, отдѣленный отъ насъ болѣе чѣмъ 2-мя тысячами лѣтъ—это конечно недоказуемо. Съ чисто теоретической точки зрѣнія одинаково чудесно для эмпирическаго человѣка знать то, что *будетъ* черезъ 1000

стическую у Бональда и отчасти Джоберти, астрофизическую у Целльнера, историко-миеологическую—у Крейцера и у Шеллинга послѣдняго періода и т. д. и т. д. Къ счастью, не у всѣхъ изъ названныхъ мыслителей было философское притязаніе на „научность“.

1) Ср. мою статью „Критика Кантовскаго понятія истины“ (Сборникъ въ честь Л. М. Лопатина).

2) Roma Sotteranea ed. Severino. Roma 1632.

лѣтъ и то, что *было* 1000 лѣтъ тому назадъ, ибо эмпирически отъ прошлаго мы отдѣлены такой же пропастью какъ и отъ будущаго. Будущее *еще* не наше, прошлое *уже* не наше, но и въ томъ и другомъ случаѣ *равно* не наше; и если мы въ астрономическихъ предвидѣнiяхъ или въ историческихъ знанiяхъ получаемъ возможность уничтожить пропасть и дѣлать и будущее и прошлое въ какомъ-то смыслѣ *нашими*, то это конечно должно быть признано однимъ изъ самыхъ чудесныхъ феноменовъ человѣческой жизни. Что же касается точности астрономическихъ предвидѣнiй и сравнительной неясности историческаго видѣнiя,—то, не говоря уже о томъ, насколько первыя уступаютъ второму въ смыслѣ содержательности и внутренняго богатства, мы, идя противъ общаго мнѣнiя, можемъ рѣшительно заявить, что исторiя знаетъ такiе роды видѣнiя, которые направлены въ *будущее* и сообщаютъ о грядущемъ необычайно *точныя* и *богатыя* свѣдѣнiя. Конечно, приверженцы „научныхъ мировоззрѣнiй“ скажутъ, что всякiя пророчества и прорицанiя „наукою отвергаются“ и потому невозможны, но мы, послѣ того какъ показали призрачность „научныхъ мировоззрѣнiй“, можемъ спросить, какая же изъ наукъ въ правѣ отвергнуть пророчество напр. Исаи? Такой науки нѣтъ и быть не можетъ, и отвергать возможность пророчества или утверждать ее—вправѣ лишь философiя,—разумѣемъ философию настоящую, а не „научную“. Но въ такомъ случаѣ Апокалипсисъ христіанскiй, *если* онъ вѣренъ, можетъ оказаться безконечно *точнѣе*, чѣмъ апокалипсисы естественно-научныя, напр. теорiи и фантази о „концѣ міра“—Карно, Томсона, Фламмаріона. Сужденіе о возможности Апокалипсиса можетъ быть высказано лишь *философiей* и такимъ образомъ кантіанское предпочтеніе „Ньютона безъ Апокалипсиса“ христіанскому вѣрованію Ньютона въ Апокалипсисъ, созданный той самой эпохой, научно-археологическое изученіе которой положилъ Бозіо, это предпочтеніе, лежащее въ *основѣ* критической философи и отнюдь ею *не* оправдываемое,—должно быть признано совершенно а-философскимъ и догматическимъ. Другими словами, у наукъ физико-математическихъ нѣтъ никакого очевиднаго и безспорнаго примата надъ другими науками. Предпочсть одну группу наукъ другой можетъ съ правомъ—лишь *философское* изслѣдованіе, въ основу котораго очевидно не мо-

жетъ быть положено уже готовое предпочтеніе, какъ это дѣлается критической философией. Такимъ образомъ, философія, имѣющая желаніе стать научной,—не имѣетъ права останавливаться безъ предварительнаго изслѣдованія на *одной* группѣ наукъ, во всѣ же сразу превратиться она не въ состояніи; но всякое предварительное изслѣдованіе (если оно носитъ дѣйствительно философскій характеръ), устанавливая іерархію между науками и подчиняя ихъ логически одну другой, тѣмъ самъ *философизируетъ* ихъ, лишаетъ ихъ *sit venia verbo!*—научной дѣвственности, уничтожаетъ въ нихъ специфическую научность, которой онѣ владѣютъ по праву лишь на *своемъ мѣстѣ* и въ *своемъ частномъ*, такъ сказать, натуральномъ и дѣвственномъ бытіи, и тѣмъ самымъ изъ дѣйствительной науки превращаетъ въ самую настоящую *философію*. Въ идеѣ „научной философіи“ мы имѣемъ налицо примѣръ *элементарнаго смѣшенія* понятій: философія, которая хотѣла бы базировать себя на *философіи наукъ*, базируетъ себя на *философіи*, а не на наукахъ, какъ таковыхъ, и поэтому, имѣя условное право называть себя философической въ квадратъ (философіей умноженной на философію причемъ единица, умноженная на единицу равна единицѣ!), она не имѣетъ никакого права именовать себя *научной*. Говоря совсѣмъ просто: философія наукъ есть столько же „научное“ предпріятіе, сколько философія музыки есть музыкальное произведеніе, или философія живописи явленіе живописное.

„Антоновъ есть огонь, но нѣтъ того закону
Чтобы всякъ огонь принадлежалъ Антону“.

Вл. Эрнъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).